

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш97

Шутов, Юрий Титович.

Ш97 Крестный отец питерских / Юрий Шутов. — Москва : Родина, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-907149-68-7

Автор книги Юрий Шутов — российский политический и общественный деятель, публицист. В первой половине 1990-х гг. он был помощником одного из «отцов» современной российской демократии и первого мэра Санкт-Петербурга Анатолия Собчака и входил в его «питерскую группу».

Позже Ю. Шутов разошелся с «питерскими» и занял должность председателя Санкт-Петербургской комиссии Госдумы РФ по анализу итогов приватизации.

В феврале 1999 года он был арестован, и, несмотря на то что суд оправдал его, Ю. Шутов был вторично арестован прямо в зале заседаний и в 2006 году приговорен к пожизненному заключению. В декабре 2014 года он умер в тюрьме для пожизненно осужденных «Белый лебедь».

В книге Юрия Шутова рассказывается о том, как Анатолий Собчак и его команда «ходили во власть». Автор раскрывает тайны закулисных политических интриг внутри группы «питерских» и систему взаимоотношений между ними.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-907149-68-7

© Шутов Ю.Т., 2019
© ООО «Издательство Родина», 2019

Посвящаю моей дорогой маме Анастасии Ивановне, от имени контрразведки «СМЕРШ» расписавшейся далекой весной 1945 года на стене рейхстага, опаленного окончательной победой над врагами, а сейчас, более полвека спустя, жутко недоумевающей, откуда они в виде разных Собчаков вновь взялись и разгромили нашу державу.

Не Богу ты служил и не России...
Служил лишь суете своей...

ПРЕДИСЛОВИЕ

Автор этой книги Шутов Юрий Титович родился в Ленинграде более полувека назад. Закончил Кораблестроительный институт и несколько лет со старательским лотком золотоискателя бродил по Колыме и Чукотке.

Вернувшись в Ленинград, прошел трудовой дорогой от инженера до директора предприятия. Став одним из руководителей Ленинградского областного и городского статуправления, написал диссертацию по экономике, но защитить ее не успел, т.к. был арестован по вымышленному обвинению. Несколько лет провел в заключении, после чего суд его полностью оправдал и реабилитировал.

В 1990 году работал советником председателя Ленсовета А.Собчака. И уже в 1991 году написал об этом книгу, прочтя которую каждый поймет: подобное произведение, как и саму гражданскую позицию автора, любая власть,

а тем более «демократическая», оставить без внимания и последствий просто не могла. Правда, сперва «собчата» пытались поступить «по-хорошему» и «предложили» Ю.Шутову рукопись не издавать. Затем 4 октября 1991 года, тайно проникнув в его квартиру, хотели найти ее и украсть, но автор внезапно и очень некстати явился домой. На него тут же напали и принялись убивать. Однако, несмотря на тяжелейшее ранение, он все равно выжил. Тогда было решено, сфабриковав обвинение, бросить Шутова в тюрьму. Поэтому, как только после госпиталя Шутов стал самостоятельно ходить, его тут же арестовали по «подозрению» во многих нераскрытых и даже, как впоследствии выяснилось, вообще не совершенных преступлениях. Среди оперативников, участвовавших в аресте, Ю.Шутов сразу же и безошибочно опознал своих убийц, забравшихся в октябре 1991 года в квартиру и напавших на него. Это, как оказалось, были офицеры милиции из питерского РУОПа (регионального управления по борьбе с организованной преступностью) Дмитрий Милин и Сергей Цуцуряк, а также их сообщники И.Турков и И. Цыганок. Видя, что их узнали, они, ничуть не таясь, хохотнули своей жертве прямо в лицо, выразив сожаление, что не добились при первой встрече.

Шельмовать автора было поручено целой группе «выдающихся» следователей ГУВД, имеющих бесценный опыт фабрикации ложных обвинений, среди коих: подполковник бывшей советской милиции, господин Канцепольский Мойша Самуилович — плаксиво-канючащий на допросах, едко-дымящий фальсификатор-затейник; не бреющийся майор Пашенко — разящий перегаром с запахом свежесподпременной собаки, и майор Шубов Абрам Моисеевич, всеми подозреваемый в мздоимствах, с ухоженными пилочкой ногтями, курящий только «Мальборо» в количествах,

резко не соответствующих его зарплате. Впоследствии его послали в Израиль делиться опытом.

Прикрывал эту «правоохранительную» банду тогдашний первый заместитель городского прокурора Большаков — вечно мокрогубый, со всхлипывающим и, вероятно, оттого красноватым, длинным, острым носом промежуточно-доверительных глаз вокзального карманника, внешне похожий на Дуремара из сказки о Буратино. Рядом с ним постоянно отирались, исполняя руководящие прихоти по глумлению над Законом, его верный ученик — прокурор Винниченко, да постоянно полупьяный помощник городского прокурора Осипкин.

Эти чиновники в мундирах давно объелись плодов вседозволенности и безнаказанности, поэтому азартно, наперегонки стремились погубить любого попавшего им в лапы человека, как звери, вкусившие людской крови.

Ю.Шутов не очень удивился, когда они попытались обвинить его в самых громких убийствах тех лет, как, например, расстреле литовских пограничников в Медининкае; организации покушения на тогдашнего президента Азербайджана Эльчибея; поджоге гостиницы «Ленинград»; разных разбоях и прочей жути.

Следствие тянулось два года. После полутора лет изнуряющих допросов городской судья Н.К. Шилов своим решением распахнул двери тюремной камеры и выпустил Ю.Шутова на свободу. Тем самым, по сути, признав незаконным содержание писателя под стражей.

Спустя несколько лет, весной 1996 года, такой же вывод сделал председатель суда Выборгского района Санкт-Петербурга А.Я. Штурнев, который, тщательно разобравшись, вынес окончательный приговор, оправдавший Ю.Шутова по всем пунктам выдвинутого обвинения и тем самым доказавший абсолютную надуманность и лживость уголовного дела, состряпанного подонками в погонах.

В 1993 году, выйдя до суда на свободу, Ю.Шутов, не-
взирая на готовящуюся расправу, тут же издал закончен-
ную им в тюрьме вторую книгу про Собчака¹. Оозна-
комившись и с этим произведением автора, любому чита-
телю станет ясно: в условиях современной «демократии»
сам факт выхода в свет книги подобного содержания сво-
дит на нет шансы писателя даже просто остаться в жи-
вых. Следует особо подчеркнуть: эти свои книги Ю.Шутов
писал в 1991—1992 гг. Сейчас же, читая их, прежде все-
го поражаешься удивительной точности совпадений про-
гнозов автора с реальным ходом последующих «демокра-
тических» преобразований и «реформ», полностью разру-
шивших экономику и наше государство.

С 1996 года автор бессменно возглавлял региональ-
ную Комиссию Госдумы по анализу в Санкт-Петербурге
и Ленинградской области итогов приватизации и ответст-
венности должностных лиц за ее негативные результаты.
Ю.Шутову удалось собрать обширный фактический ма-
териал, убедительно доказывающий грабительскую суть
произведенного приватизацией разгрома страны.

В 1998 году Ю. Шутов стал готовить к выпуску еще
одну свою новую книгу из сериала «Ворье». В ней описа-
на т.н. «приватизация», поименно названы ее организато-
ры и наиболее «удачливые» участники-исполнители, ко-
торые, узнав о грядущем выходе такой книги под назва-
нием «Как закалялась шваль», тут же пригрозили автору
убийством либо очередным арестом. Кроме них жаждали
расправиться с Ю.Шутовым те, кому не удалась фабрика-
ция ложного обвинения в 1991 году и кого автор все по-
следующие годы пытался привлечь к уголовной ответст-
венности за совершенные ими преступления. Но тщетно.

¹ В данном издании первая и вторая книги Ю. Шутова сведе-
ны в одну. — *Прим. ред.*

Ибо слишком высок уровень коррумпированных и корпоративных связей между городской прокуратурой, ГУВД, РУБОПом и криминальным миром.

Поэтому, невзирая даже на прямое личное опознание Ю.Шутовым старших офицеров РУБОПа, пытавшихся писателя убить, они все равно остались на своих постах и вдобавок росли чинами. Сотрудник же горпрокуратуры С.Капитонов, расследовавший дело о нападении руоповцев на Шутова, как-то, отведя глаза в сторону, прямо сказал, что привлечь их к ответственности все равно не удастся, чего бы они ни натворили. Однако Ю.Шутов не смирился и в декабре 1998 года, будучи избран депутатом питерского Законодательного собрания, опять потребовал наказать бандитов и фабрикаторов, прекрасно сознавая, что уверенные в своей безнаказанности чиновники в милицейских и прокурорских мундирах крайне опасны для людей и общества.

Видя бескомпромиссную решимость автора добиться правосудия, высокопоставленные заказчики решили вновь сфабриковать еще одно ложное обвинение, причем теми же силами горпрокуратуры и РУБОПа, что и было поручено уже упомянутому прокурору Винниченко и ставшему за это время начальником 4-го отдела РУБОПа С. Цуцуряку с его опербоеквой. На сей раз им велели представить Ю.Шутова «организатором» всех громких убийств в Санкт-Петербурге, а также «руководителем» какой-нибудь банды.

16 февраля 1999 года Ю.Шутова спешно арестовывают и запрятывают аж в новгородскую тюрьму, подальше от посторонних глаз. Одновременно подручные Винниченко стали всю куражиться по телевидению и в газетах, всячески черня и поганя свою жертву. Саму же фабрикацию ложного обвинения поручили тогдашней зам.начальника

отдела горпрокуратуры Н.Литвиновой. Она тут же обнародовала свои фантазии о якобы причастности Ю.Шутова ко всем громким городским преступлениям вообще, что на самом деле являлось результатом лишь обычного для весны обострения ее хронической паранойи.

Организаторы очередного ложного обвинения прекрасно понимали: до воистину праведного суда их фабрикацию доводить никак нельзя, иначе получится то же самое, что произошло 16 ноября 1999 года, когда спустя 9 месяцев после ареста Ю.Шутова настоящая судья Н.Петренко признала незаконность содержания его под стражей и тут же выпустила писателя на свободу. Однако в судебный зал сразу же ворвались автоматчики в масках, разбросали присутствовавших, переколотили всю судейскую мебель, избили только что освобожденного депутата городского Законодательного собрания Ю.Шутова и, сломав ему позвоночник, уволокли обратно в тюрьму. Теле репортаж об этом, по сути, вооруженном захвате суда многожды транслировали по всему миру. Дабы впредь по окончании следствия не допустить правосудия, специально отобрали нужного исполнителя, на роль которого заказчикам ликвидации писателя сгодился городской судья А.Иванов. Ему и поручили вынести уже давно предрешенный приговор...

Одновременно заказали умертвить депутата прямо в тюрьме посредством лишения столь необходимой тяжело больному писателю медпомощи, а то и просто при перевозке, инсценировав, к примеру, «попытку бегства». Эту перспективу злорадно обрисовал Ю.Шутову прямо в день ареста все тот же рубоповец Цуцуряк, известив автора книг, что он уже, собственно, умер, а задержка похорон — чистая формальность. Арестованный писатель все же умудрился о спланированном убийстве поставить в

известность тогдашнего горпрокурора И.Сыдорука, хотя прекрасно понимал, что тот даже не откликнется. Но ни шантажом, ни тюрьмой, ни судебной расправой, а также вероятностью убийства настоящего человека не сломить.

21 ноября 2006 года Юрий Шутов приговорен судом к высшей мере наказания, т.е. пожизненному лишению свободы...

Глава 1

НАЧАЛО. 1990 год

Все живут в Ленинграде и пока еще в СССР, а страна уже клокочет пеной, как повсюду уверяют, «самых демократических» выборов в Советы народных депутатов разных уровней. Растерянность властей чувствуется во всем.

Уже появились, надо полагать, впервые с незапамятных революционных времен, не заполненные вакансии в ОК и ГК КПСС в Смольном, а тех, кто продолжает там служить, также вновинку, постоянно травят в общественном мнении.

Уже не хватает калибра у исполкома Ленгорсовета для поражения противников на социально-бытовом фронте.

Уже не только на предвыборных собраниях, где кандидаты дружно состязаются в любви к народу, а всюду и открыто забавляются язвительной критикой правительства СССР как в целом, так и поименно.

Уже Сашу Богданова, к его огромному сожалению, никто не арестовывает за «хулиганство» при продаже-раздаче своей газетки «Анτισоветская правда», а созданный им

самопальный образ «борца с коммунизмом» быстро тускнеет и линяет в связи с отсутствием противников.

Уже отважный Невзоров рискнул первым обвинить в покупке по дешевке подержанного «Мерседеса» только что спроваженного в отставку главу Ленинградского ОК КПСС Ю.Соловьева, с которым еще совсем недавно, будучи в Ленинграде, взасос целовался генсек Горбачев, прерывавший это достойное занятие лишь беседами со случайно подвернувшимися прохожими. После невзоровской телепередачи бывшего первого секретаря обкома тут же лихорадочно исключил из партии им же вскормленный преемник, в недавнем прошлом ленинградский «главхимик» Б. Гидаспов, который чуть позже вдруг обнаружил, что любая цена покупки машины никоим образом не вяжется с приверженностью идеалам партии и уж тем более не может противоречить требованиям Устава КПСС.

Уже воздух официальных коридоров и кабинетов директивных органов пропитался беспокойной страстью к новым ощущениям, к авантюрам, к политическим переодеваниям. Страх за будущее у всех притупился, а развал устоев не огорчал, а веселил.

Это было время начала того хаоса, который предыдущие несколько лет, умело лавируя, маскируясь и обманывая всех и вся, скрупулезно подготавливали, по камешкам разрушая геополитическую структуру, трое, вероятно, хорошо оплаченных агентов «всемирного правительства»: Горбачев, Яковлев и Шеварднадзе. Они сеяли кругом ненависть ко всему прошлому и взаимные подозрения современников. Но конспирация их была настолько профессиональна, а разработанный в загранцентре сценарий операции по уничтожению нашей страны настолько безупречен, что во всеобщем стремлении к преобразованиям об этом никто не догадывался.

Я решил выставить по месту жительства свою кандидатуру в городской Совет от коллектива 48-го грузового парка, прославившегося впоследствии автоманифестацией на площади у Мариинского дворца в поддержку борьбы Собчака с депутатами и первым городским мэром Щелкановым.

В клуб Балтийского завода, что на Васильевском острове, я забрел не то чтобы случайно, но при этом без особой нужды. Там была встреча избирателей территориального округа с кандидатами в депутаты Верховного Совета Союза.

Среди претендентов, выставившихся на обозрение публике, мое внимание привлек высокий человек с иксообразными ногами и горьковской, ходульной, размашистой походкой пожилой цапли, а также цепким, я бы сказал, каким-то вороватым взглядом странно посаженных глаз. Он постоянно улыбался, делая вид, что разглядывает зал, но было заметно напряженное внутреннее сосредоточение. Я не мог вспомнить его фамилию, хотя видел, как он беседовал с Б. Курковой по телевидению в «Пятом колесе». А однажды, зачем-то попав к Василеостровскому метро, даже отметил среди снующих людей этого типа с мегафоном в руках. Там он, подхихикивая и шмыгая красным на ветру носом, убеждал всех активно включиться и помочь ему одолеть в предвыборной схватке противных кандидатов. Подобная форма агитации за самого себя была сногшибательной новацией, однако особого энтузиазма в среде озабоченных своими проблемами людей явно не вызвала.

После довольно утомительной череды кандидатов, клявшихся с клубной сцены в любви к присутствующему народу, дошла очередь и до него.

Он довольно быстро и толково поведал уже осоловевшей публике, что является профессором, а не рабочим, как перед ним выступавший. Далее сообщил, что добился в жизни чего хотел: заведует кафедрой в университете, вполне счастлив и благополучен. И вот теперь поставил перед собой задачу сделать всех такими же счастливыми, как и сам. Это, по его словам, явилось единственной причиной, заставившей выставить свою кандидатуру в парламент (название тогда еще непривычное и создававшее впечатление, будто речь шла об Англии). Все это кандидат говорил с лекторским, академическим, неспешно искренним превосходством, поэтому, если бы аудитория состояла сплошь из студентов, то для получения зачета в дальнейшем была просто обязана ему поверить. Правда, тогда еще никто не читал его книгу «Хождение во власть», написанную значительно позже, где в качестве основного и, вероятно, действительно правдивого мотива, толкнувшего профессора в депутаты, им была названа недорогая бутылка коньяка, на которую сам, мол, поспорил со случайно встреченным в университетском коридоре партфункционером.

После своего информационного выступления этот кандидат поведал о личных, сокровенных мечтах, которые собирается непременно реализовать, сделав безмерно счастливыми тех, кто его изберет.

Нужно отметить: такая непринужденная, а главное, «непривычно» стандартная манера погрезить со сцены, безусловно, выделила этого «мечтателя» из довольно безликой массы остальных кандидатур. Фамилия его была Собчак.

Впоследствии я много раз видел его использующим полученный им депутатский мандат как право поговорить с любой трибуны. Однако это, самое первое слышанное

мною выступление запомнилось больше всех, возможно, просительностью интонаций и еще полным отсутствием презрения к слушателям.

* * *

На встречу в гостиницу «Ленинград» Собчак приехал как-то под вечер в шапке из меха то ли беспородной рыжей собаки, то ли подкрашенного волка, вкупе со старомодным драповым пальто с накладным карманом и женой.

Вместо обычно полагававшихся полупустых ознакомительных разговоров он сразу предложил мне, чем вызвал мою симпатию, переговорить о возможном сотрудничестве в дальнейшем. Ибо, как он выразился, много обо мне слышал.

Ко времени нашего знакомства Собчак уже стал депутатом Верховного Совета СССР, а те лидеры, портреты которых мы носили на демонстрациях, дерзко обзывались им с парламентской трибуны «якутами», «адыгейцами» и разными «наперсточниками».

Его личный приезд и внимание, безусловно, мне польстили, но представить себе сферу взаимных интересов я затруднялся.

В гостинице «Ленинград» на десятом этаже до пожара был очень уютный ресторанчик «Петровский», где прекрасно готовили одни и те же блюда, которые, как правило, съедали одни и те же люди, и поэтому ошибиться в выборе еды было нельзя. Зал представлял собой укромное место с русопятым ложечно-балалаечным оркестриком и постоянными барышнями, которых хмель из бутылок приручал, а не раскручивал. В общем, для обстоятельного, но не делового разговора лучшего уголка в ближайшей округе было не сыскать.

Мы поднялись наверх и заняли вдали от окружения уютный столик с прекрасным видом на Неву, залитый огнями город и крейсер «Аврору». Я заказал все, чем славилась местная маленькая кухня. Причем, пока мы подымались в ресторан, мой помощник позвонил и столик успели уже накрыть. Это, как я заметил краем глаза, было весьма высоко оценено Собчаком, видимо, раньше посещавшим рестораны крайне редко, в основном с целью что-нибудь отметить.

Собчак немного выпил, но все съел. Его жена, Людмила Борисовна Нарусова, как-то странно манерничала, явно еле сдерживая провинциально-местечковую суетливость, когда пыталась использовать для взятия хлеба только большой и указательный пальцы обеих рук, все остальные сильно растопыривая в разные стороны. При этом беспричинно улыбалась, если замечала, что кто-нибудь смотрит в наш угол. То было время, когда у нее в гардеробе еще не висело сразу несколько дубленок, этого символа классических понятий бескрайних периферийных российских просторов о «роскошной» городской жизни.

Закончили мы первый ужин довольно поздно. Чтобы исключить обычную в таких случаях неловкость, я заранее рассчитался с официантом.

Проходя через уже готовившийся к полному расходу зал, по которому слонялись погрязшие в ресторанной ревности и блуде барышни, Людмила Борисовна, ловя взгляды окружающих, нервно покусывала свой газовый шарфик.

Домой ехали на моей машине. Оказалось, что мы живем на одной улице. Дома наши стояли рядом, и оба — малоудобные «корабли». Я засунул в автомобильный магнитофон кассету с записью Баха в современной аранжировке и сильным, чистым звучанием. Время пути было раздавлено космической музыкой. До самого дома мы молчали.

Лишь изредка Собчак косился на меня, сидящего за рулем. У парадной, не выходя из машины, Анатолий Александрович напрямую заявил, что пытается собрать команду единомышленников, пока, правда, неизвестно для чего, но если я соглашусь, то он предлагает мне в нее войти. Поблагодарив за доверие к малознакомому человеку, я выразил желание в дальнейшем уточнить задачи и определиться с кругом своих предполагаемых обязанностей. Путеводная звезда этого профессора уже была видна невооруженным глазом. Зовется эта звезда властью.

* * *

Через несколько дней мы встретились вновь. Он опять приехал ко мне. На этот раз один. Снова решили поужинать, но сегодня говорил Собчак. Я жевал и слушал.

Многие сидящие в зале уже с почтением признали в моем собеседнике пламенного солиста нового союзного парламента опереточного созыва. Он тоже с удовлетворением взирал на зеленую поросль молодых побегов своей завтрашней бешеной популярности, еще не будучи пренебрежителен к пришедшей в дальнейшем славе.

Нашу беседу прервал какой-то армянин в кожаной черной куртке и галстук «бабочка-регат» расцветкой под американский флаг, что явно не гармонировало с общепринятой нормой поведения в этом ресторанчике нарочито русского стиля. Он подскочил и, поставив на наш стол бутылку коньяка, обратился в зал с пылкими словами благодарности к скромно сидящему Собчаку, который, по словам армянина, прямо на сессии Верховного Совета чуть было не подарил свой депутатский мандат, «это единственное бесценное сокровище, какое у него имеется», земляку владельца коньяка, в знак солидарности с борьбой армянского народа против азербайджанского засилья в Степанакерте, откуда ресторанный гуляка оказался